

До него донёлся шум голосов.

— Синжань, не бойся. Мама сейчас же отвезёт тебя в больницу!

— Не надо, мам. Собака брата, конечно, злая, и рана очень болит, но брат наверняка не специально привёл её домой.

Лу Жань до этого пребывал в полусонном оцепенении, однако стоило ему услышать этот приторно-лицемерный тон, как злость мигом привела его в чувство.

Вот только в голове по-прежнему стоял туман, не позволяя окончательно очнуться.

Тут снова раздался первый женский голос, теперь уже тяжёлый и холодный:

— Зачем ты вообще тащишь в дом всё подряд? Эту бродячую собаку давно следовало выбросить.

Слова явно предназначались Лу Жаню.

В конце женщина понизила голос и с нескрываемым отвращением добавила:

— И не тащи сюда свои прежние привычки.

Лу Жань услышал собственный голос:

— Дахуан не бродячий. Вы сами разрешили мне привести его. Он уже старый, у него почти не осталось зубов, он не кусается...

Он не успел договорить, как женщина резко повысила голос:

— Ты ещё смеешь спорить? По-твоему, раны на руке твоего младшего брата ненастоящие?

И вновь Лу Жань услышал, как сам отвечает:

— У Дахуана нет клыков. Он не мог оставить такие следы.

— Что ты хочешь сказать? Что твой брат притворяется?

— Лу Жань, сколько раз я тебе говорила: даже не думай выжить своего младшего брата из семьи!

Едва женщина закончила, как тот, кого она называла Синжанем, тут же всхлипнул — настолько нарочито, что сомнений не оставалось.

Опять этот сон!

Лу Жань едва не выплюнул кровь от ярости.

Злость словно пробила брешь в мутной пелене, и сознание наконец немного прояснилось.

Перед глазами вспыхнул ослепительный свет — не солнечный, а исходящий от роскошных светильников. Хрустальная люстра рассыпала по молочно-белой матовой плитке мелкие блики. За окнами стояла ночь, но весь холл сиял почти нереальным блеском.

Во всём огромном зале виллы чувствовался запах денег — яркий, ослепительный, почти

сказочный.

Лу Жань глубоко вдохнул.

Давно ему не снился дом семьи Шэнь настолько отчётливо.

Тело всё ещё слушалось плохо.

Он поднял взгляд на двух людей, сидевших на диване.

Первой была женщина с резким голосом. Выглядела она моложе своих лет и держалась изысканно. Хотя по возрасту давно приблизилась к менопаузе, жизнь в достатке уберегла её от усталости и нервозности, знакомых обычным женщинам, измученным бытом и гормональными перепадами.

На первый взгляд даже могло показаться, что с ней легко договориться.

Она бережно держала за запястье сидевшего рядом юношу.

Тот выглядел как первокурсник: мягкие чёрные волосы, светлая кожа, простая на вид рубашка в светлую клетку. С первого взгляда нельзя было определить ни бренд, ни цену ткани, но аккуратные швы на манжетах и тонкие детали отделки выдавали дорогую вещь.

Грудь Лу Жаня снова тяжело поднялась.

Эти двое...

Одна — его родная мать.

Другой — приёмный сын, занявший его место.

Когда Лу Жаню было четыре года, он потерялся во время небольшого горного паводка. Его спасли, но из-за высокой температуры он напрочь забыл сведения о семье и оказался в детском доме.

Он не помнил, кто его родители, однако всё детство свято верил: семья любит его и однажды обязательно найдёт.

Лишь поступив в университет, он наконец встретился с родными.

И тогда узнал, что уже через год после его исчезновения семья усыновила другого мальчика.

Тот был почти его ровесником — открытым, весёлым и на вид совершенно невинным.

Никому не хотелось годами жить с болью после исчезновения ребёнка. И уж тем более — тратить силы и время на поиски, напоминавшие попытку найти иголку в стоге сена.

Раз пустующее место в семье оказалось занято, Шэни очень быстро забыли о пропавшем младшем сыне.

А имя, предназначавшееся ему, — Шэнь Синжань — отдали приёмному ребёнку.

Тот занял не только место Лу Жаня, но и имя, которое изначально принадлежало ему.

Так самые близкие люди в этом мире с удивительной лёгкостью отказались от Лу Жаня.

И только он сам упрямо продолжал носить своё нынешнее имя.

Когда его нашли после паводка, четырёхлетний мальчик ещё не умел писать. Он смутно помнил лишь, что его зовут «Жань-жань», и сотрудник приюта записал созвучный иероглиф — «Жань», «гореть».

Только вернувшись к родным, Лу Жань понял, что каким-то образом именно он превратился в «поддельного Шэнь Синжана».

Сначала он был счастлив. И с готовностью принял приёмного сына семьи.

Он вырос без родных и мечтал лишь о том, чтобы близких людей стало как можно больше. Поэтому никакой неприязни к приёмному ребёнку Шэней у него не было.

Но отношение семьи быстро привело его в растерянность.

Они считали, что он вырос в бедности и, получив деньги, может натворить глупостей. Поэтому не давали ему ни карманных денег, ни даже средств на учёбу — университет Лу Жань оплачивал за счёт студенческого кредита.

А ежемесячные карманные расходы Шэнь Синжана начинались с нескольких сотен тысяч юаней.

Чтобы приёмный сын не почувствовал себя отвергнутым и не расстроился, Лу Жаня даже не зарегистрировали обратно в семье Шэнь и не объявили публично, кем он является.

Шэнь Синжань по-прежнему оставался любимым младшим господином семьи.

А Лу Жань был никем.

Пропав на пятнадцать лет, он вернулся в дом, который должен был быть его собственным.

Но отец, мать, старший брат и второй брат думали лишь об одном: не расстроится ли Шэнь Синжань из-за его возвращения.

Порой Лу Жаню даже казалось, что стоит тому слегка нахмуриться — и виноватым автоматически станет он.

После его появления с Шэнь Синжанем постоянно что-то происходило. То он якобы случайно спотыкался, то обжигался горячей водой.

Лу Жань не имел к этому никакого отношения.

Но стоило родственникам прибежать утешать Синжана, тому ничего не требовалось доказывать. Достаточно было бросить на Лу Жаня осторожный, будто испуганный взгляд — и на него тут же обрушивался поток обвинений.

Сначала Лу Жань не понимал, что происходит. Потом растерянность сменилась злостью, а злость — почти болезненной одержимостью.

Он снова и снова пытался объяснить с семьёй, но его никто не слушал.

И всё же, прекрасно видя, насколько им дорог Шэнь Синжань, до самого конца Лу Жань ни разу по-настоящему не пытался причинить тому вред.

Наблюдая за совершенно необъяснимой предвзятостью родных, он подсознательно начал копировать приёмного брата.

Копировал его одежду.

Но Шэнь Синжань носил вещи из викунии — шерсти, которую называли «мягким золотом», тогда как Лу Жаню было не по карману даже обычное кашемировое пальто.

Копировал мягкий характер и безупречные манеры.

Но за воспитанностью Шэнь Синжана стояли десятки лет денег и привилегий. А Лу Жань вырос сиротой в детском доме.

В итоге он всё больше походил на дешёвую подделку.

Однажды во время очередного конфликта Шэнь Синжань зимой толкнул его в бассейн.

Это произошло на глазах у всех.

Но самые близкие люди лишь равнодушно бросили:

— Ну что же ты такой неосторожный? Хорошо хоть Синжана не задел.

И в тот момент Лу Жань, отчаянно пытавшийся заслужить любовь семьи, наконец очнулся.

Он понял, что всё бесполезно.

Ему никогда не выиграть у Шэнь Синжана.

Лу Жань полностью сдался и ушёл из дома Шэней, вернувшись к своей прежней — спокойной и одинокой — жизни.

Спокойствие продлилось всего полгода.

Он ещё не успел окончить университет, когда Шэни снова нашли его и всеми возможными способами — угрозами, давлением, обещаниями — потребовали вернуться.

Лу Жань из упрямства отказался.

Именно тогда он впервые по-настоящему понял, какой силой обладает семья Шэнь.

Незадолго до выпуска его без объяснений отчислили.

Он несколько раз переезжал из города в город, устраивался на разные работы — и каждый раз Шэни всё разрушали.

В последний раз старший молодой господин семьи Шэнь, его родной старший брат, лично привёл людей, чтобы перекрыть ему дорогу.

Лу Жань бросился бежать и попал под машину, проскочившую на красный.

Авария оказалась тяжёлой. Его полностью парализовало ниже шеи, а голосовые связки были

повреждены.

Вот тогда и начался настоящий ад.

Лу Жаню было чуть больше двадцати. Он лежал на больничной койке в полном сознании и смотрел на трубки, которыми было опутано всё его тело.

Возможно, благодаря «доброте» Шэнь Синжаня семья обеспечила содержание своему беспомощному калеке.

На этой койке Лу Жань пролежал целых десять лет.

Палата была наглухо закрыта: ни окон, ни птиц, ни людей.

Он лежал там совершенно один, и компанию ему составлял только монотонный гул аппаратуры.

Даже сиделка заходила лишь тогда, когда он спал.

Иногда Шэнь Синжань приводил к нему семью.

Чтобы Лу Жань собственными глазами видел, как счастливо и дружно живут его родные вместе с человеком, занявшим его место.

А он не мог даже выругаться.

За десять лет абсолютного одиночества Лу Жань сначала сломался.

Всё, что с ним произошло, было настолько абсурдно жестоко, что сознание просто отказывалось это принимать.

Потом ему осталось лишь снова и снова прокручивать в голове прошлое.

Он вспоминал боль в момент аварии.

Леденящий холод зимнего бассейна.

Каждое бесполезное объяснение. Каждое отчаяние оттого, что ему не верили.

И всё время задавал один вопрос.

Почему?

Почему всё это случилось именно с ним?

Почему он закончил вот так?

Он ведь уже отказался от борьбы. Перестал спорить с Шэнь Синжанем. Если не мог противостоять ему — разве нельзя было просто уйти подальше?

Небеса ответили: нельзя.

И только что в голове Лу Жаня внезапно появилась новая информация.

Оказалось, вся эта нелепая жизнь была всего лишь сюжетом книги.

Шэнь Синжань — главный герой романа о любимчике богатой семьи.

А Лу Жань — не более чем пушечное мясо, дешёвая подделка, созданная автором исключительно для того, чтобы выгоднее оттенить главного героя.

Автор ещё и с важным видом объяснял, что персонаж Лу Жаня нужен для великой идеи: показать читателям, что кровное родство не имеет значения!

Лу Жань: «...»

После знакомства с этой информацией в голове у него осталась всего одна мысль:

Да идите вы все к чёрту!

Он снова посмотрел на двух людей перед собой.

За десять лет неподвижности Лу Жань успел перебрать каждую подробность прошлого столько раз, что помнил всё почти наизусть. Поэтому быстро понял, в какой момент вернулся.

Он находился в периоде вскоре после своего возвращения в семью Шэнь.

Когда-то, отчаянно тоскуя по близким, Лу Жань тайком держал при детском доме небольшого пса по имени Дахуан.

Вернувшись к Шэням, он получил разрешение матери и привёз Дахуана с собой.

А сегодня, придя из университета, увидел именно эту сцену.

Шэнь Синжань сидел на диване с двумя неглубокими красными царапинами на руке.

Госпожа Шэнь устроила Лу Жаню допрос, объявила, что Дахуан укусил Синжаня, и приказала выбросить пса.

Смешно.

Дахуану было девять лет, и почти все зубы у него уже выпали. Такие следы он просто физически не мог оставить.

Лу Жань прекрасно знал, что Дахуан — не породистая милая собачка. И боялся причинить неудобство семье, о которой так долго мечтал. Поэтому либо брал пса с собой, либо запирали в собственной комнате.

Каким чудом Дахуан должен был открыть запертую противозломную дверь, выбежать наружу и укусить Шэнь Синжаня?

В прошлой жизни Лу Жань не смог доказать ничего.

Сколько бы ни объяснял, мать не желала слушать.

В конце концов ради семьи он отказался от пса, который был рядом с ним девять лет, и собственными глазами смотрел, как Шэни выкидывают Дахуана на улицу.

Прежний Лу Жань выбрал бы терпеть молча.

Позднее, поняв правду, он выбрал бы просто уйти.

Но сейчас в этом теле находился Лу Жань, который десять лет пролежал в тёмной комнате, полностью обездвиженный и весь опутанный трубками.

Он уже стоял одной ногой за гранью безумия.

— Мам, прости брата. Рука всего лишь немного болит, ничего страшного, — мягко произнёс Шэнь Синжань.

Он опустил голову, скрывая улыбку в уголках губ.

Разумеется, собака его не кусала.

Он сам открыл дверь комнаты Лу Жана. Этот бесполезный пёс только забился в угол и даже не попытался напасть.

Так что пришлось самому оставить на руке несколько следов.

Впрочем, и этого оказалось достаточно.

Произнося эти слова, Шэнь Синжань ожидал, что Лу Жань начнёт ещё яростнее оправдываться или даже станет его оскорблять.

Тогда впечатление семьи о Лу Жане станет ещё хуже.

Но тот не сказал ни слова.

В следующий миг Лу Жань внезапно протянул руку, вцепился Шэнь Синжаню в волосы — и, не тратя времени на разговоры, с размаху отвесил ему две пощёчины, одну за другой.

Шлёп!

Шлёп!

Два звонких удара разнеслись по огромной гостиной.

Второй прозвучал ещё громче первого.

#

<http://bllate.org/book/21306/2174057>